

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Алексеевна Чарская

Желанный царь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=635505

Лидия Чарская. Собрание сочинений:

Аннотация

Эта книга в увлекательной приключенческой форме повествует о событиях, предшествующих воцарению юного государя Михаила Романова.

В истории государства Российского был уникальный период, когда сложилась симфония верховной власти – духовной и светской, и юный царь Михаил правил державой вместе со своим отцом, Патриархом Филаретом.

Но до избрания на престол в 1613 году юного Михаила его семья вместе с Русью православной пережила тяжкий период Смутного времени.

С тех пор прошло без малого четыреста лет, но и сегодня, в новое смутное время, события, происходящие на нашей русской земле, созвучны тем, далеким...

Содержание

Часть I	4
Глава I	4
Глава II	8
Глава III	10
Глава IV	15
Глава V	18
Глава VI	21
Глава VII	24
Глава VIII	27
Глава IX	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Лидия Алексеевна Чарская

Желанный царь

Часть I

НЕВИННО ОСУЖДЕННЫЕ

Глава I

Весна в 1601 году стояла ранняя и теплая на редкость! Яркое солнце, щедро оделяя майскими лучами землю, заглянуло поздним весенним утром в огромный, густо разросшийся сад романовского подворья, находившегося в центре Москвы, по соседству с Чудовым и Вознесенским монастырями.

Молодая весенняя листва – клейкие листочки лип и кленов, нежные, бархатистые белоствольных берез и вяжущие черемухи – успела покрыть густыми шапками высокие и могучие деревья сада.

Там, где два старика дуба протягивали друг к другу свои мощные ветви-руки, висела широкая доска качелей. Целая толпа сенных девушек с веселым шушуканьем и смехом теснилась вокруг нее. На утлой доске, по обе стороны дородной мамы-пестуни, сидели двое хорошеньких и румяных детей. Восемилетняя девочка, русокудрая, голубоглазая, в атласном, богато расшитом по голубому полю шелками и жемчугом летнике, и пятилетний мальчик, кудрявый, темноглазый, с необычайно кроткой и ясной улыбкой пригожего детского личика, в нарядном, отделанном бурмицкими зернами по вороту и запястьям кафтане, однорядке, в щегольских сафьяновых сапожках и в богатой шапке поверх мягких темно-русых кудрей. Две девушки, одна рослая, статная шестнадцатилетняя красавица, отдаленно похожая чертами лица на детей, в дорогом летнике пунцового шелка, в легком, подбитом камнями девичьем венце с пестрыми лентами, спускавшимися чуть ли не до пят, наравне с тяжелой русой толстой косой, стояла на одном конце качелей, другая, судя по скромной одежде – сенная девушка, на другом.

С веселым смехом они раскачивали доску, то и дело поддавая ее, к немалому страху и смятению дородной мамушки.

– Ай! Побойся ты Бога, боярышня Настасья Никитична, – взывала от страха несчастная мамушка, – уморишь, как есть уморишь и боярчат-племяшей своих, да и меня, холопку верную... Ой, буде! Богом тебя молю, боярышня! Ой, помру. Ей-ей, помру! Остановись, Христа ради, боярышня!

– Ха-ха-ха! – залилась на это звонким смехом проказница Настасья Никитична, а за нею и Таня с Мишей (так звали сидевших подле мамы детей). – И не стыдно тебе бояться, мамушка? Качели не струг на озере, не потонешь небось!

– И то не потонешь, госпожа мамушка! – тихонько поддакнули сенные девушки, боясь, однако, громко смеяться над нянькой-кормилицей маленьких боярчат, главной холопкой боярского женского терема.

– Не потонут, конечно, а зашибиться все ж могут Танюша с Мишенькой... Да буде же, буде, боярышня! Того и гляди, перевернется доска. Какой ответ тогда давать мне боярину Федору Никитичу да боярыне Ксении Ивановне? – не унималась толстая мамка, прижимая к себе обоих детей.

– Ай да Кондратьевна! Небось за боярчика своего да за боярышню дрожмя droжишь, а обо мне, горемычной, и не кручинишься! А поди-кась и я небось не из воска ярого слеплена, упаду, зашибусь вас всех не менее! – смеялась Настасья Никитична, к немалой потехе обоих деток, бесстрашно поглядывавших из-под рук мамушки на быстрые взмахи качельной доски. Малютка Миша так и заливался серебристым смехом, вторя своей голосистой молоденькой тетке и сестре.

– Ну, буде! Полдничать скоро позовут, – решительно заявила Настя и, взметнувшись еще раз под самый шатер высоких дубов, ловко спрыгнула наземь, сильной девичьей рукою удерживая качель. Потом неожиданно подбежала ко все еще не успокоившейся мамушке, выхватила у нее обоих детей и с тем же веселым, залихватым смехом, ухватив их за руки, стрелою помчалась с ними через зеленую садовую лужайку.

– Лови нас, мамушка! – звонко крикнула она, задыхаясь от смеха.

– Ишь, затейница! Ишь, проказница! – забубнила дородная мама, семена за убежавшими своей утиной походкой вперевалячку, в то время как сенные девушки тихонько фыркали, закрываясь узорчатыми рукавами рубах.

Они бы и сами с наслаждением порезвились и потешились по примеру их общей любимицы, боярышни Настасьи Никитичны, да строгие глаза мамы, не дававшей поблажки никому из меньшей холопской братии, невольно приковывали их к месту.

Поневоле приходилось сдерживать себя и чинно выступать по тропинке, завистливо поглядывая вслед убежавшим.

Вот они завернули за группу деревьев, вот мелькнул яркий летник боярышни, вот взметнулись пестрые ленты ее девичьего венца, и молоденькая проказница вместе с малютками-племянниками скрылась мгновенно за смородиновыми и малиновыми кустами, разросшимися целым лесом в дальнем конце огромного романовского сада.

– Ау! Ау! Ищите нас! – послышались оттуда звонкие голоса Настасьи Никитичны, Тани и Миши.

И веселый серебристый смех зазвенел оттуда...

– Ах, как тут хорошо на воле, в этом зеленом уголку!

С тем же веселым смехом Настя бросилась на молодую весеннюю травку, увлекая за собой детей.

Солнце горячими полуденными лучами проникало в это тихое царство зелени развесистых пышных ветвей. Кузнечики весело трещали в свежей мураве. Пестрые бабочки порхали над белыми нежными подснежниками, мелькавшими здесь и там своими скромными глазками. А над высоким частоколом виднелись золотые маковки ближнего Чудова монастыря.

– Ай да и славно же здесь, племяши! Уж так-то славно да привольно, что и сказать нельзя! – вырвалось счастливыми звуками из груди боярышни, и она в избытке чувств обняла и притянула к себе обоих детей. Те ластились и ласкались к молоденькой тетке, как маленькие котята. Они любили свою веселую красавицу Настю, бедовую на потешные выдумки и на всякие игры, «красное солнышко» романовских палат, как все прозвали ее на подворье.

Но вот насторожилась Настя. Красивое румяное личико девушки стало серьезней. До ушей ее ясно долетели чья-то умышленно приглушенная речь и шорох шагов по ту сторону частокола, к которому прилегали задние службы и мелкие строения Чудова монастыря. Любопытная, как и все теремные затворницы того времени, Настя, наскучившая среди однообразной жизни в тереме, жадно ловила всякие впечатления, доходившие до нее извне. Поэтому, приложив палец к губам и наскоро шепнув племянникам: «Тише! Нишкните! Смирно сидите, детушки!» – быстро поднялась на ноги и, крадучись, легко и неслышно подбежала к частоколу.

Здесь находилась небольшая земляная лавочка-насыпь в виде приступки. На нее легкой птичкой вскочила боярышня и, приложив ухо к небольшому отверстию между зубьями частокола, замерла на месте, снедаемая любопытством.

Сначала ничего не было слышно. Раздавались только тихий шелест раздвигаемых кустов за забором да осторожные шаги двух человек. Но вот странно знакомый Насте голос произнес почти шепотом:

– Вот здесь побеседуем, друже. Место пустынное. Ни единая душа не услышит. А за частоколом дальняя часть сада бояр Романовых. Заросли ягодные. Туда никто, окромя как посередь лета, пока ягода не поспеет, и не заглядывает. Мне это доподлинно ведомо, потому как я, восемь годов тому будет, и в саду ихнем, и во дворе кажинный день свой человек был. От боярина князя Черкасского, Бориса меня здешний боярин взял в холопы, потому книжной грамоте я зело приучен...

«Кто это?» – невольно возник вопрос в голове Насти, и она, поднявшись на цыпочки, заглянула за высокий частокол.

Но, кроме черной монашеской скуфьи и низкой круглой шапки, какие носят молодые дворяне да дети боярские, она ничего не могла разглядеть.

«Один чернец, другой мирянин! – произнесла мысленно девушка и, снова замирая на месте, приготовилась внимательно слушать того, чей голос казался ей до странности знакомым и сейчас. – Ведь если он служил здесь на подворье у ее брата, боярина Федора Никитича Романова, стало быть, и голос его мог запомниться ей», – думала она.

Это обстоятельство, однако, мало заинтересовало Настю. Гораздо более поразило ее то, что говорил второй собеседник. Другой голос трепетно возражал:

– Потерпи малость, скоро наступит время, пробьет твой час, и сбросишь с плеч своих ты сию убогую власяницу и облечешься в виссон и пурпур, приличествующие сану твоему.

– Наступит время! Пробьет мой час! Да когда же, когда, друже! – пылко, но все тем же сдержанным шепотом прервал его собеседник. – До кой поры проклятый убийца все еще будет царствовать и губить людей, верных слуг отца моего? Где Вельский Богдан? В ссылке. Где Мстиславский? Погиб, помер по милости того же Бориса... Все верные слуги покойных отца и брата Федора поперек дороги ему стали... И не будь у меня добрых друзей, не приспей они в Углич вовремя, быть мне зарезанному заместо поповского сына, погребенного под именем Димитрия-царевича... И еще много жертв загубит Борис невинных, прежде нежели пробьет час вступить мне, прирожденному царевичу, на прародительский престол.

– Возьми на время терпения, царевич. Ждал дольше. Невесть Бог, сколько осталось подождать. Дай покончить с делами, подготовить людей за рубежом, где до поры до времени тебе укрыться придется... А там соберутся доброхотники, держальники твои, и открыто пойдешь ты во главе собранных дружин добывать престол московский. Верь, царевич... Денно и ночью пекутся друзья твои о тебе... Денно и ночью, блюдя тебя из отдаленья, трудятся во славу твою, нашего прирожденного законного царевича Димитрия...

– Царевича Димитрия! – чуть слышно, с недоумением прошептали губы Насти, ошеломленной и взволнованной всем слышанным. Какой такой царевич? Откуда взялся он? Знает она, Настя, одного законного и прирожденного царевича, царского сына, сына царя Бориса, юного Федора, которому, как и царю Борису, служат ее братья, ближние бояре Романовы...

Но то Федор, а это Димитрий! И какому царю грозит он проклятием? И на какой престол сулят посадить его, этого незнакомца, его приспешники? Да и статочное ли это дело, чтобы простому холопу или чернецу сделаться царем?

Девушка совсем растерялась от десятка новых мыслей и непонятных догадок, нахлынувших в голову.

Сильно заколотилось ее сердце. Пылали нежные щеки, а трепещущие руки бессознательно теребили концы лент девичьего венца.

Между тем снова заговорил знакомый голос за частоколом, заговорил шепотом, едва слышно выговаривая слова:

– Нонче Семен Годунов, ведомо мне, рвет и мечет в бессильной злобе на родичей моих, на бояр Романовых. Простить не может, что Федор Никитич из бояр боярин, в думе ближе всех заседает к Борису, да Александр Никитич из окольничих в бояре назван, а он, царев дядя, с коих пор в окольничих ходит... Да и романовская казна не дает покоя годуновцам. Того и гляди, под опалу подведут моих бояр!

Последние слова словно ножом полоснули по сердцу Насти. Она пошатнулась от волнения, схватилась за острые колья забора, но не удержалась и с легким шорохом спрыгнула на землю.

В тот же миг прервалась беседа за забором, и слышно было, как за частоколом поспешно удалялись мужские шаги.

Бледная и встревоженная, кинулась к детям боярышня и стала торопить их домой.

– Идем, идем, детушки! Небось мамушка Василиса Кондратьевна натерпелась страха, нас ищущи. Поспешаем, ребятушки! Гляньте-ка, и солнышко высоко стало... Ин как раз и полдничать время! Ау, мамушка! Ау, девушки! – позвала она звонким криком, разлившимся на весь сад.

– Ау-ау! – послышалось ответным криком из густой заросли смородиновых и малиновых кустов, и через минуту-другую просунулась пестрая, шитая шелками кика мамушки, и замелькали оживленные лица девушек, открывших, наконец, убежище своих молодых господ.

И гурьбою, подхватив на руки боярчат, все двинулись к дому.

Глава II

Родственники московским государям по бабке великого князя Ивана III, Марье Голтязевой-Кошкиной и по отцу приходясь родными племянниками первой супруге Иоанна Грозного, Анастасии Романовне, из рода Захарьиных-Романовых-Юрьевых, бояре Романовы считались по роду своему, знатности, положению и богатству едва ли не первыми вельможами на Москве.

Род бояр Романовых происходил от Андрея Кобылы, известного московского боярина времен Симеона Гордого. Из ближайших потомков этого Андрея Кобылы особенно возвысился один из внуков его, Иван Федорович Кошкин, любимец и ближний человек Московского великого князя Василия I. Сын его Захарий положил начало целому роду. Потомки его получили фамилию Захарьиных-Юрьевых. Два сына Захария были при дворе великого князя Василия III; старший Михаил – одним из его самых приближенных бояр, младший Роман – окольничим. Великий князь и царь всея Руси, Иоанн IV Васильевич (Грозный) был женат на дочери этого окольничего Романа Юрьевича, Анастасии. И весь род Романа Юрьевича со времени Иоанна IV стал называться: Романовы-Захарьины-Юрьевы, или просто Романовы.

Брат царицы Анастасии Романовны, Никита Романович, состоя в ближних боярах, пользовался особенным уважением и любовью Грозного-царя. Родственная связь с царским родом и добрая слава, которую завоевали себе как сама царица Анастасия, отличавшаяся добрым нравом и голубиною кротостью, так и брат ее Никита Романович, не раз отводивший гнев царя в страшную минуту и умевший хорошо влиять на горячий и крутой нрав молодого еще Иоанна Грозного, создали особенный ореол народной любви и преданности всему романовскому роду. Недаром в народных песнях и былинах отводится почетное место Никите Романовичу за его добрые дела и заступничество за опальных перед царем.

После смерти Анастасии Романовны брат ее не перестал быть ближним к царю лицом, хотя и не принадлежал к числу царевых любимцев опричников. Как велико было доверие Иоанна к Никите Романовичу, видно из того, что, умирая, Грозный-царь назначил опекуном своему сыну, слабоумному, неспособному в делах правления Федору-царю, того же Никиту Романовича.

Но царский шурин немногим пережил своего владыку. Разбитый параличом, Никита Романович на смертном одре заклинал входившего тогда в силу боярина Бориса Годунова беречь оставшихся после него сыновей, Никитичей, как их называли тогда в Москве. Их было пятеро молодых богатырей-красавцев: Федор, Александр, Иван, Василий и Михаил. Особенным расположением юного царя Федора пользовался старший, Федор, тезка и ближний человек к царю.

Не было более образованного, умного и видного человека на Москве в то время. Отличаясь особенной начитанностью, Федор Никитич сумел изучить даже латинский язык, что являлось тогда величайшею редкостью в среде московских бояр. Обладая прекрасною величавою наружностью, Федор считался в то же время первым щеголем на Москве. Его наряды резко отличались от безвкусной одежды современных ему москвичей. Все было ловко подобрано и сидело как на картине на этом статном, величавом красавце. К тому же он обладал поразительным даром слова, так мало присущим его современникам. А его щедрость и доброта, унаследованные от отца, привлекали к нему сердца окружающих.

Ходил слух по Москве, что умирающий бездетный Федор Иоаннович хотел передать престол своему двоюродному брату по матери Федору Никитичу Романову, после того как царевич Димитрий, брат царя по отцу от брака Грозного с царицей Марией Нагих, был предательски зарезан в Угличе. Но ближний боярин Борис Годунов, целым рядом интриг и козней, сам добился престола, перешагнув через труп угличского убитого царевича, зарезанного,

как утверждала народная молва, подосланными им же самим убийцами. Но слишком популярны и любимы были в народе бояре Романовы, Никитичи, чтобы не считаться с ними новому царю, не прирожденному, а посаженному на царство горстью бояр и собором. И с первых же дней своего владычества Борис понял это и всячески отличал Никитичей. Он пожаловал боярство Федору и Александру, и они заседали в его государевой думе. Михаила Никитича назначил окольным. Одной из сестер Романовых, Ирине Никитичне сватал своего племянника. Но тайный страх перед популярностью, родовитостью и силою этих первых вельмож-бояр гвоздил и точил душу Бориса, неродовитого, незнатного потомка татарского мурзы Четы, гораздо менее достойного престола, нежели Никитичи, родственники московских владык.

Глава III

«Беспрерывно все слышанное братцу Феде пересказать надо!» – спешно шагая по дороге к хоромам, мысленно твердила Настя, и то и дело хмурилось ее обычно веселое, подвижное, румяное личико.

Между тем в просторной, светлой стольной избе богатых романовских палат в ожидании полдника шла обычная предобеденная суэта.

Тяжелые дубовые столы, покрытые белоснежными, с камчатными узорами скатертями, ломились под тяжестью серебряной посуды, тарелок, чарок, ковшей и бражниц, обильно покрывавших их.

Редкий день выпадал в году, чтобы не наезжало гостей видимо-невидимо на романовское подворье к боярину Федору Никитичу, славившемуся на всю Москву-матушку своим удивительным радушием и хлебосольством. А если даже и выпадал такой редкий день, то гостей заменяла ближняя родня хозяев: братья, родичи и свойственники боярина с их семьями, охотно собиравшиеся к столу у Федора Никитича. А их было немало: сами Никитичи, князья Черкасские, один из которых был женат на старшей из сестер Романовых, Марфе Никитичне, князья Сицкие, Репнины, Салтыковы, свойственники по супруге боярыне Ксении, или Аксинье Ивановне из рода Шестовых, Шестовы, Карповы и другие.

На несколько десятков мест поэтому обыкновенно собирали холопы, во главе с дворецким и боярским ключарем-казначеем, верным Сергеичем, обеденный стол в стольной избе.

Расторопная челядь, уставлявшая столы серебряной посудой и утварью, не забыла покрыть и новыми, червчатого атласа, поволошниками с золотой каймой и гривкой скамейки-места для гостей, поправить теплящиеся огоньки лампад у божницы в красном углу стольной горницы и до блеска протереть серебряное паникадило, спускавшееся с потолка на массивной цепи, гайтане. При дневных трапезах его обыкновенно не зажигали, так как свет и солнце беспрепятственно проникали в слюдовые, хитро размалеванные оконца боярских хором. И в блеске этого солнышка особенно ярко сверкала драгоценная серебряная утварь на столе и поставцах. Не менее ярко освещало солнышко и стены горницы, разукрашенные поверх суконных тисненых обоев картинами, изображающими всякие действия из библейской истории.

На заморских, вывезенных из Неметчины, часах, стоявших на высоком поставце в соседних со стольной горницей сенях, отбило мерным звуком двенадцать ударов.

– Едут! Едут! – маша шапкой, закричал на бегу молоденький челядинец, бросаясь от ворот, у которых сторожил появление боярского поезда.

В тот же миг вся засуетившаяся челядь метнулась к воротам.

В конце улицы, у крестца, показалась группа всадников. Впереди всех на гнедом Карабахе ехал в нарядной одежде – терлике и в невысокой шапке – ближний боярин и думец, главный хозяин романовского подворья и представитель этого знатного рода, Федор Никитич.

Он казался много моложе своих пятидесяти трех лет. В его величаво-красивом лице с темно-русой, едва тронутой сединой бородкой, которую он подстригал по европейскому обычаю, в темных, пронизательных, полных ума и энергии глазах теперь сказывалась какая-то тревога.

За ним ехал верхом второй брат его, тоже думский боярин, Александр Никитич. И у добродушного на вид, второго Никитича те же следы немалого волнения и тревоги сказывались во всем. Да и следовавшая за старшими Романовыми молодежь, младшие братья, красавец богатырь Михаил, недавно произведенный из стольников в окольничие, о физической силе и чисто русской красоте которого говорила вся Москва, Василий и Иван Никитичи с

князьями Черкасскими и братьями Сицкими да с дворянами Шестовыми, их родственниками и свояками, были тоже как будто не в себе в это теплое по-летнему, ясное утро начала мая.

Без обычных шуток, веселых бесед и громкого говора прискакали нынче на подворье бояре и их гости, спешили у высокого рундука, бросив поводья на руки челяди, и следом за хозяином дома прошли в стольную избу.

– Наши вернулись, и с гостями! Да не веселы что-то. Ой, чует лихо сердце мое! – произнесла, выглядывая в окно женской половины боярского терема, сама молодая боярыня, Ксения Ивановна, из рода Шестовых, чернобровая, белолицая женщина лет тридцати, с небольшим, решительным умным лицом и быстрыми, смелыми, энергичными глазами, жена старшего Романова, Федора Никитича.

– И полно беду накликать, невестушка! – произнесла княгиня Марфа Никитична Черкасская, старшая сестра Никитичей. – Вернулись наши соколы поздорову, сама ведаешь, а што невеселы, так с устатку это. Небось не легкое дело в думе государевой заседать. Да вдобавок по нонешним временам, когда, окромя как на родичей своих Годуновых, царь и глядеть ни на кого не хочет, только их и слушает, им только и доверяет... им одним.

– Полно, сестрица, – вмешалась в беседу двух боярынь молодая жена Александра Никитича, боярыня Ульяна, – ведь и мы по свойству царю нынешнему не чужие, с тех пор как сестрица Ириша за племянника выдана царского.

– А все же, сестрицы, чует мое сердце, – снова с легким вздохом произнесла Ксения Ивановна, – недолюбливает наших бояр царь Борис.

– Тише! Детки с Настею да мамой сюды идут! – произнесла княгиня Марфа и бросилась навстречу племянникам, которых, будучи сама бездетной, любила как собственных детей.

– Видали! Видали, как батюшка с дядями прискакал на аргамаках! Ходко таково! – весело лепетал Миша, минуя тетку и бросаясь в объятия матери, пряча оживленное, раскрасневшееся личико в складках ее богатой и нарядной телогреи.

– Родимый ты мой! – ласково шепнула молодая боярыня, прижимая к груди своей ребенка, и несколько твердое, энергичное выражение ее красивого, полного лица озарилось невыразимым выражением любви и нежности материнства, а полные затаенной тревоги глаза прояснились сразу и засияли светом горячей нежной любви.

– Сокровище ты мое! – непроизвольным шепотом соскользнуло с ее румяных уст, улыбавшихся теперь малютке-сыну блаженной улыбкой. Он был ее радостью и утешением, самым первым и лучшим из сокровищ романовского подворья, он и голубоглазая сестра его Таня. Троих, Бориса, Льва и Никиту, старших детей, Федор Никитич и Ксения Ивановна схоронили еще младенцами, четвертого, грудного мальчика, потеряли недавно. Зато эти двое выжили и подросли на утешение и радость родителям и близким.

И теперь, позабыв недавние тревоги, мать ласкала обоих детей с той беззаветной нежностью, на которую способны одни только матери.

* * *

Но тревога и предчувствия боярыни Ксении Ивановны были не напрасны.

В то время как в женском тереме она с золовками любовалась своими ребятишками, в стольной избе, после того как слуги внесли и расставили на столе несколько перемен яств и напитков, завязалась между хозяевами и гостями самая оживленная беседа.

Не прикоснувшись к жареным лебедям, курам, уткам и рябам, со всевозможными взварами и подливками всякого рода, к подовым пирогам, лепешкам и мясным студням (день был скоромный), к бесчисленным похлебкам, подававшимся после жаркого и обильно покрывавшим стол, осушив одним духом кубок с заморской романеей, Федор Никитич, хозяин

дома, произнес, обращаясь к молча угощавшимся вокруг стола гостям, предварительно движением руки выслав из горницы челядь:

– Неладное затевает что-то нынче враг наш, окольный Годунов, Семен Никитич. Намедни в передней государевой такое отмочил он брату Александру слово, что не будь то в дворцовой палате, кажись, не сдержаться мне, и света Божьего невзвидеть бы охульнику...

– Твоя правда, братец, – произнес обычно спокойный и добродушный, теперь же крайне взволнованный второй Никитич. – Осмелился он, – обратился Александр к внимательно слушавшим его с братом присутствующим, – дерзнул такую зацепу мне пустить, когда я вместе с братом и Шуйским, князем Васильем, да Воротынским-стариком завели беседу о датском королевиче Ягане, что следует сюда для брака с царевной Ксенией, буде али не буде королевич перед честным венцом переходить в нашу веру, такое слово молвил: «Не заморские, говорит, не крещенные по нашему обряду принцы страшны, боярин Александр Никитич, а свои московские бояре куды страшнее, которые на царскую державу зубы точат да на здоровье государево зло умышляют, вот те поистине страшны!»

– А ты что же отвечивал на это, брат? – вырвалось у молодого несдержанного Михаила Никитича на всю стольную горницу.

– Отвечивал я за него, што нет у великого государя врагов ноне, а верные слуги одни стоят у кормила правления, а что ежели ведает про какую там измену он, Семен Годунов, так пушай о том оповестит нас всех, и мы разделаемся сами с изменниками царскими. Вот что я отвечивал ему вместо Александра – так старший брат закончил свою речь.

Красавец Михаил так и подскочил на месте.

– Эх, брат Федор, жалости достойно, что меня там не было! Я б ему показал. Не поглядел бы на то, что он ухо и око государево,¹ я бы отбил в нем охоту верных и честных слуг государевых чернить!

И глаза молодого Романова замечали молнии, а рука, державшая кубок с вином, заметно задрожала от охватившего его волнения.

– Полно, Миша, – ударив его по плечу, произнес старший Романов, – ну и в худшую беду ввел бы нас, братьев. Или не ведаешь, что царь Борис только Семену Годунову и верит нонче... Только его и слушает. Уж давно я примечаю, что волком косится на нас ближний боярин. То ухмыльнется, то глаза отведет, нынешние слова об изменниках и подавно не зря им сказаны. После думного сидения остановил я его в дворцовых переходах и один на один спросил: «Куда, говорю, гнул, Семен Никитич, намедни? Што за речи брату поутру говорил?» А он мне такой лисой прикинулся: «Што ты, говорит, окстись, боярин! С чего всполошился? Не всякое, говорит, лыко в строку. Коли совесть твоя чиста, так, говорит, нечего тебе о моих речах и мыслить», – и ужом из рук моих вывернулся и поспешил от меня. Только, чую, неспроста были те речи. А притянуть за них к ответу нельзя. Тонко дело свое знает, лисица, хвостом виляет и уцепиться не дает.

– И государь великий из-за него как будто последние дни на нас немилостиво глядит, – ввернул свое слово Александр Никитич.

– Великому государю ведомо, что все Романовы с родичами и свойственниками своими его верные слуги? – произнес Федор Никитич тоном, не допускавшим возражений, и, поднявшись со своего места, произнес здравицу царю в виде длинной, витиевато составленной послетрапезной молитвы, которую царь Борис с первым советником своим, патриархом Иовом, сочинили совместно и передали боярам и людям московским со строгим приказанием ежедневно читать ее за столом.

Трапеза кончилась.

¹ Так прозвали остальные родовитые бояре всем ненавистного родственника царя Бориса, окольного Семена Годунова.

Невесело разошлись из-за стола хозяин и гости по заготовленным покоем для послеобеденного сна, вмененного чуть ли не в обязанность каждому русскому человеку в то время. Каждый чувствовал надвигавшиеся тучи на горизонте жизни бояр Романовых... В воздухе собиралась гроза.

* * *

Чувствовалась она и на женской половине романовского подворья.

Когда разъехались ближние и дальние гости, Федор Никитич прошел в терем жены, живший особенной собственной жизнью. Терем этот был отделен от мужской половины целым рядом переходов, сеней и клетей. Только в редкие дни именитой боярыне Ксении Ивановне с детками удавалось обедать вместе с горячо любимым мужем и отцом. А по большей части званые пиры, да ловы, да медвежьи и соколиные потехи после проведенного во дворце «думного» утра отнимали боярина Федора Никитича у семьи.

Зато сейчас, после короткого послеобеденного отдыха, он с особой поспешностью прошел на женскую половину.

Гости боярыни Ксении тоже разъехались по домам, и теперь в ее просторной передней горнице, кроме нее самой да деток с их мамою-пестуньей Кондратьевной, находились только старая боярыня Шестова, мать молодой Романовой, и золовка ее, красавица Настя, жившие на романовском подворье. Лишь только плечистая рослая фигура боярина Федора Никитича показалась в дверях.

Таня и Миша с веселым криком бросились навстречу отцу.

– Батюшка! Батюшка! Наконец-то пожаловал! – зазвенели их веселые, звонкие голоса.

Одним могучим взмахом рук боярин захватил обоих деток и, вскинув на воздух, прижал к груди.

– Аль боязно? – усмехаясь, крикнул он визжавшим от восторга детям.

– Ничуть не боязно! Нисколечко! – хохотали малютки, лоя и целуя руки отца, любовно возившегося с сыном и дочкой.

Но несмотря на близость любимых существ, несмотря на ласковую встречу любимой жены и приветливые речи тещи, тревога не исчезала из орлиных пронзительных глаз Федора Никитича.

Эта тревога передалась невольно и жене, и сестре, и теще.

В то время как Ксения Ивановна пытливо заглядывала в лицо мужа и осторожно выпрашивала его о том, как прошло у него полдня до их встречи и все ли «поздорову», боярышня Настя, обожавшая братца Федю, заменившего ей отца, после которого она осталась совсем малым ребенком, думала про себя:

«Нет, ни слова не поведаю ему из того, что услышала в саду наемдн. Ишь, он какой нынче нерадостный, невеселый! Господь с ним! Не надо ему докучать еще новой тревогой! Пуцай потешится ребятками, авось тревога и отойдет, тогда и потолкуем с ним».

И девушка оказалась права.

Таня и Миша весело лепетали без умолку, сообщая батюшке ненаглядному о том, как они с тетей Настей от Кондратьевны убежали утром, и какие чудесные цветочки да травушки растут в дальнем углу сада, и что в смородиннике да в малиннике и вовсе заблудиться можно.

И невольно глаза боярина прояснились наконец под этот милый лепет, а улыбка раздвинула прекрасные гордые губы.

– Ведь вот, Аксиньюшка, была печаль, и нет ее, – произнес он, обращаясь к ней с ласковой усмешкой, – а все они, проказники эти, лучше всяких лекарей заморских вылечили отцову кручину!

И он, нагнувшись, поцеловал кудрявые головки детей.

– Что и говорить, детки – благословение да благодать Господня, – произнесла старая боярыня Шестова, поглядывая с умилением на счастливую семью дочери, в которой сама не чаяла души.

И опять, глядя в просветлевшее наконец лицо брата, красавица Настя Романова решила в тайниках своей девичьей души:

«Нет, ни словом не обмолвлюсь ему о том, об утрешнем... Коли печального оберегала его, голубчика, зачем навевать ему новые заботы и кручины, отравлять ему радость и подавно негоже!»

И она, жалея брата, решила молчать.

Глава IV

Темен и сумрачен проснулся великий государь всяя Руси Борис Федорович.

Был пятый час утра. Первые лучи раннего весеннего солнышка победоносно врываются в размаленные яркими узорами заморского малеванья слюдовые оконца царской опочивальни.

Дробясь сотнями искр, они играли на гранях сердоликовых и хрустальных лампад, на серебряных цепях-гайтанах, спускавшихся у божниц, и на золоченой короне, венчавшей царское ложе под глазетовым балдахинем, устланное мягкими лебяжьими перинами и пуховиками, с редкостной резьбою и позолотой по дереву, с пышным одеялом из червчатого атласа, окаймленным золотым кружевом, с мягкими взголовьями,² заключенными в тонкие, цветного шелка наволочки. Большой персидский ковер, дар восточного царевича, устилал горницу, потолок которой был расписан цветами и травами, а стены действиями из жизни царей и картинами из Священной истории. Царское кресло, золоченое и крытое бархатом, поставец с редкостными часами-будильником и кипарисовые сундуки-укладки да тяжелые скрини³ под замками за царской печатью, в которых хранилось государево белье и доступ к которым имел только самый ближний к царю человек, а то только сама государыня царица, – вот и вся обстановка царевой опочивальни того времени.

Царь Борис Годунов проснулся сильно не в духе. Все последнее время тревожен был сон царя. Далеко за полночь седые старцы бахари-сказочники пели в сенях дребезжавшими старческими голосами древние сказания о великом князе Владимире и мудрой княжне Ольге, о Святославе и Олеге, о храбром богатыре мифической Руси Еруслане и других витязях и действиях далеких, древних времен. Но накануне даже сказочники не смогли рассеять задумчивости царя и способствовать его сну и покою.

До утра, почти что до самого солнечного восхода, промаялся на своем пышном ложе Борис, то чутко прислушиваясь к сонному всхрапыванию спальников и постельничего, спавших в сенях у дверей царской опочивальни, то вперив глаза в темные, тонувшие во мраке, углы комнаты, и пытливо вопрошал немymi вопросами эту притаившуюся ночную тишину.

Мысли донимали царя не даром. И волнение Бориса тоже имело свои причины. Не в меру подозрительный, видевший кругом себя измену и подвох, путем долгих происков и интриг очутившийся на престоле, он, захудалый потомок татарских князей, боялся всем существом своим тех, кто был знатнее и именитее его по рождению.

А тут еще его ближние бояре, родственники годуновцы, то и дело нашептывали в уши царю слухи о не существующих на самом деле кознях именитых бояр, интригах и изменах. Особенно старался в этом деле Семен Никитич Годунов, царский дядя. Этот лукавый, хитрый, но ничтожный, ничем не выделяющийся человек опасался соперничества в отношении близости к царю людей, действительно выдающихся и достойных. Да и надежда пожить за счет опальных бояр немало способствовала нашептываньям и наговорам на них царю со стороны Семена Годунова. Если при царе Иване Грозном православная Русь стонала под гнетом пыток и казней, то в дни царствования Бориса Федоровича по одному только навету и доносу врагов людей обвиняли в измене, ссылали, предварительно подвергнув сыску, то есть допросу, сопровождавшемуся в худшем случае пыткой, или заточению в тюрьме, а имения и вотчины мнимых изменников отписывались на государя, который нередко жаловал из них доносчиков.

Суеверный до крайности, царь Борис Годунов особенно боялся «сглаза» и «порчи».

² Подушки.

³ Комоды.

Его приспешники широко пользовались этой слабостью, наговаривая государю на тех или других из своих врагов, приписывая им умысел испортить царское здоровье. Кудесники, вещие старцы, ведуньи и всякого рода гадалки не переводились в то время на Москве, пользуясь покровительством окружавших царя людей, чтобы каждую минуту по цареву желанью предстать перед государем и сказывать ему судьбу, «то есть гадать ему в тишине подклетей». К этим ведунам и ворожеям имел большое доверие Борис.

Еще накануне этой ночи, проведенной так тревожно и без сна, государь послал свою «правую руку», свое «ухо и око», Семена Годунова, к новому, объявившемуся на Москве астроному, приехавшему из Неметчины.

Никогда еще душевное волнение Бориса не достигало, казалось, такой силы, как в эту ночь.

Без сна, без минутного забвения прометался до солнечного восхода на своем пышном ложе московский государь.

Но и без сонных видений вставали перед царем, как живые, образы, пугавшие его, омрачавшие его душу, наполнявшие все существо Бориса страхом и смятением.

Вставали недавние картины...

Далекий Углич... Соборная площадь... Толпы народа, стремящиеся к царицыну дворцу, где вдова Иоанна Грозного, седьмая жена его, Мария из рода Нагих, жила с сыном Дмитрием-царевичем и братьями. Эта картина из недавнего прошлого особенно не давала покоя Борису.

По желанию правителя Бориса безвольный молодой царь Федор отослал туда свою молодую мачеху и сводного брата. Так желал этого он, царский шурин Борис Годунов, первый советник царя Федора Иоанновича.

Пожелал он вскоре и другого... Пожелал устранить наследника царского, царевича Дмитрия, от престола... И вот через небольшое время прошел слух по Москве, что зарезался царевич в далеком Угличе, в припадке падучей наткнувшись на лезвие ножа...

Так говорили в Москве в то время. Но совсем иное говорила совесть Бориса в бессонные ночи, полные ужаса и муки.

Как-никак, но царевич Димитрий пал под ножом наемных убийц, и престол Федора Иоанновича должен был отойти к достойнейшему из окружавших его ближних людей.

Слабый, болезненный, неспособный править государством, Федор весь слепо предался умному и деятельному Борису.

Но подле трона царя вырастала новая фигура – красавца московского боярина, бывшего воеводы нижегородского, Федора Никитича Романова, любимца всей Москвы.

И умирающий Федор, как ближнему своему родственнику, двоюродному брату Никитичу готовился отдать престол.

Хитрый, пронырливый правитель, Борис Годунов с корнем вырвал это решение. И водворился сам на престоле московском.

Но страх за «свою державу», страх перед отставленным, но более достойным царского скипетра, ужас перед Федором Никитичем и его братьями омрачал в эти бессонные ночи Бориса.

Он знал, что Федор Никитич с братьями любимые бояре народа и даже правящих классов. Их щедрость, честность, неподкупность были хорошо известны. А равно с этим и их огромные богатства. Что, если они?..

Эта мысль жгла как калеными щипцами все существо царя...

И не в первый раз в эту ночь... Многие бессонные ночи провел он так, думая, как бы, не прибегая к тем крутым мерам, которые советовал ему его дядя Семен Годунов, избавиться от бояр Романовых, особенно от старшего из Никитичей.

Думал и не мог найти выхода...

Бледный, с распухшими веками и красными утомленными глазами, царь приподнялся на перинах и ударил в ладоши.

Два спальника и постельничий боярин неслышно вошли в горницу и, отвесив низкий земной поклон царю, приступили к сложной процедуре «убиранья» государя.

Получасом позднее Борис, в домашнем, расшитом камнями и жемчугом кафтане, с тяжелым охабнем на плечах и в тафье на голове, опираясь на свой царский посох, вместе с сыном, царевичем Федором, красивым, румяным юношей, прошел в Крестовую палату.

Здесь на пороге и царя и царевича встретил духовник царский, протопоп Благовещенского собора, с крестом в руке.

Борис, отличавшийся набожностью, молился горячо и истово, кладя земные поклоны.

По выходе из Крестовой царь послал царского стольника на женскую половину дворца спросить о здравии царицы Марьи Григорьевны и царевны дочери Ксении.

А сам, прежде чем проследовать в свою государеву переднюю, где к этому часу собирались все думные и ближние бояре для совместного с царем решения мелких дел (крупные дела решались в Грановитой палате), прошел в царскую «комнату», куда допускались лишь немногие самые близкие люди, и приказал позвать Семена Годунова, отпустив предварительно юного царевича к матери и сестре.

Глава V

– Ну, что, Семен Никитич? Дознался ли про все по моему велению?

Этим вопросом Борис встретил высокого, худого, несколько сутуловатого человека в боярском кафтане, крадущейся походкой проскользнувшего в горницу и раболепно в земном поклоне склонившегося перед царем.

Медленно поднялся он на ноги и тою же крадущейся, неслышной походкой подошел к самому креслу царя.

Его маленькие глазки забегали, как мыши в клетке, а длинные худые пальцы нервно пощипывали бороду.

– Дознался! Как есть дознался обо всем, великий государь! – наклоняясь почти к самому уху царя, произнес он шепотом, скашивая на дверь горницы глаза.

– Ну?! Сказывай же, все сказывай, как на духу! – скорее угадал, нежели услышал окольничий из побледневших и дрогнувших от волнения уст царя.

Семен Годунов не сразу поспешил ответить. Он с легкостью, далеко не свойственной его неуклюжей, согнутой фигуре, скользнул к дверям, заглянул в смежные с государевой «комнатой» сени и, плотно прикрыв двери, вернулся на свое место и, снова склонившись к уху царя, зашептал таинственно:

– Великий государь! По твоему царскому приказу был я поздно ночью у того звездочета-немчина и пытал от него судьбу Московского государства, государь... Волхвует тот звездочет зело гораздо. И на звезды, на планиды небесные глядел он при мне в трубу и линии чертил на пергаменте... И планиды, и линии – все едино говорили, государь великий... Все сулили смуту великую, измену и козни злодеев, завистников твоих...

– Какие козни? Какие злодеи? Опять за старое ты, дядя! – с досадой, слегка ударив посохом об пол и болезненно морщась, произнес Борис.

Багровая краска залила лицо ближнего боярина.

– Не гневайся, великий государь, на меня, верного смерда твоего... Сам ведаешь, душой и телом служу тебе, денно и ночью, себя не жалеючи, давлю в корне измену, коли...

– Полно, полно, дядя, – снова нетерпеливо перебил Борис, – сам ведаю про твою усердную службу, про твои заслуги... Так сказывай, что тебе поведал тот немчин?

Семен Годунов опустил в пол глаза, как бы колеблясь, как бы не решаясь произнести то, что рвалось наружу.

Томительная пауза воцарилась в государевой «комнате». Слышно было только, как в волнении тяжело и усиленно дышал Борис.

И снова раздался едва слышный шепот Семена Годунова у самого уха царя:

– От рода Романовых восстати и имать скипетродержец российский! – пророчески и зловеще произнес ближний боярин, поднимая вверх палец. И следом за тем уже обычным тоном добавил спокойно: – Вот что поведал мне немчин-звездочет.

* * *

С побледневшим лицом, с округлившимися от ужаса глазами Борис отпрянул от дяди и впился загоревшимся взором в его лицо.

Тяжелый посох с силой ударил об пол.

– Московский царь из романовского рода? Что говоришь? Опомнись, боярин! – произнес он дрогнувшим голосом, продолжая впиваться в лицо Семена обезумевшими глазами.

Ближний боярин стойко выдержал огонь этих глаз и, не опуская своих, ответил спокойно:

– Так сказал звездочет-немчин, государь, а я в речах тех не волен. И другое еще говорил он мне. Коли велишь, передам тебе и другие его речи.

– Говори! – тяжело переводя дыхание, бросил Борис.

– Молвил он еще такое слово, государь великий: великую смуту на одной половине своей сулит российская планида, а на другой...

– Что на другой? Говори же, говори, не томи, боярин!

– А на другой, – медленно, с расстановкой произнес, отчеканивая каждое слово, но не повышая голоса, Семен Никитич, – коли избыть тех ворогов, злодеев твоих, тебе и сыну твоему благоверному и всем потомкам твоим сулит планида светлую и велилепную державу.

Наступило молчание, во время которого Борис еще острее, еще пронизательнее заглянул в лукавые, маленькие глазки своего родственника. И неожиданно произнес:

– Клянись, боярин, что ни слова от себя не прибавил. Что ничего облыжного нет в твоих речах. На животворящем кресте клянись мне.

И он даже привстал со своего кресла в волнении, бледный, с грозными и полными ужаса глазами.

Семен Годунов, не медля ни минуты, расстегнул ворот кафтана, взял с груди своей прихвешенный на золотом гайтане тельник, приложил крест к губам и торжественно произнес:

– Клянусь на сем кресте животворящем, что ни слова не молвил я облыжно и доподлинно передал те речи звездочета государю моему.

И снова спрятал тельник и застегнул рубаху и запаны кафтана.

Борис, раздавленный и уничтоженный, безмолвно опустился в кресло.

Ни кровинки не было в лице царя. И только черные глаза горели тем же жутким пламенем, сильнее и острее прежнего.

– Что делать, Семенушка! Что делать! – в забывчивости, обессиленный и несчастный, шептал Борис.

Тогда «ухо и око государево» снова склонилось над плечом царским, и торопливо, шепотом, Семен Никитич стал излагать своему венценосному племяннику те планы, которые созрели в его мыслях не вчера и не недавно, а на протяжении долгих месяцев усиленных дум, планы погубить бояр Романовых.

Он говорил. Борис слушал. Изредка только гримаса отвращения пробежала по губам царя, и полные ужаса слова срывались с языка:

– Полно, боярин! Да можно ль так? Да ведь они ближние мои «думцы»? Ведь вельможи первые на Руси?

– И... И... Государь великий! Не бойся! А Вельский? А Мстиславский? Нешто не первыми они близ трона царского стояли покойному Грозному-царю? Мстиславский (он приходился родственником Иоанну Грозному) по крови ближе, чай, был, нежели Никитичи, а по твоему приказу куды они девались, те старики? Ты только мне повели, а уж я сам управлюсь с ними! Так оплету, такую завируху заварю, что и оглянуться не успеешь, как твои первые ближние вельможи последними изменниками царскими перед очами всей Руси предстанут. Только попусти, только дозволя!

Шепот Семена, его бледное лицо, его трепещущие речи тяжелыми цепями, грузным камнем падали на сердце царя... Он задыхался. И гадок, и страшен казался ему в эти мгновенья его дядя, собиравшийся так легко оклеветать и погубить невинных, порождением ада чудился он ему.

Но тонкая, жалящая, как змея, мысль тут же одновременно вползала в голову царя:

«Полно! Невинные ли? Взглянуть достаточно на Федьку Романова, на его царственную осанку да на великокняжий вид... Чай, не раз мнил себя орлом на царском престоле... Небось!...»

И снова, словно огненными буквами, пронзили страшные слова мозг Бориса:

«От рода Романовых восстати и имать скипетродержец российский!»

Дрожь ужаса пронзила все существо царя. Холодный пот выступил у него на лбу.

– А Федя... Сын! Законный мой царевич... Приемник! Куды ж они его?.. Злодеи! Изверги! Пусть гибнут лучше, нежели Федора моего лишат престола, детище мое, царский корень мой!

И, задыхаясь от волнения, царь порывисто привстал с места.

– Семен Никитич! Дядя! – произнес он чуть слышно срывающимся шепотом. – Делай, что знаешь, губи, кого знаешь, лишь бы сохранить державу царевичу Федору, возлюбленному сыну моему!

Глава VI

Тихая, ясная весенняя ночь веяла над Москвою. Молодой месяц заливал своим неверным голубоватым светом все сорок сороков московских церквей и соборов, и крепкие стены Кремля, и широкую полосу Москвы-реки, казавшейся плавленной серебряною рудой в фантастическом лунном сиянии.

В этом серебряном море особенно рельефно выделялись хоромы с пристройками богатого годуновского подворья, выходящего одним углом на Троицкую, а другим на Никольскую улицу, бывший двор князя Владимира Андреевича Старицкого, двоюродного брата царя Иоанна Грозного, казненного царем.

Здесь, в хоромах царя Бориса на его годуновском подворье близ Троицкого монастыря, у церкви Богоявления, у митрополичьего двора, хозяйничал дядя царский, Семен Никитич.

В эту тихую лунную весеннюю ночь, казалось, один только он не спал во всей Москве.

В сильном волнении, быстро шагал Семен Годунов по просторной горнице своей опочивальни, он то приближался к окну и дрожащей рукой отбрасывал тафтяную занавеску, то снова принимался ходить из угла в угол, поминутно отпивая из серебряного ковша с холодным медом, стоявшего на столе.

Неожиданно легкий свист раздался под самым окном боярской опочивальни.

Семен вздрогнул всем телом.

– Наконец-то! – произнес он чуть слышно и рукавом кафтана отер пот, мгновенно выступивший на лице. Быстро своей крадущейся походкой прошел он в сени мимо крепко спавшего дворецкого и двух челядинцев, которые стерегли у порога боярский покой, и чуть слышно приотворил входную дверь, ведущую на рундук.⁴ Месяц ласковым взглядом глянул ему навстречу.

– Ты, Алексашка? – чуть слышно спросил боярин, впиваясь глазами в группу ближних кустов, посеребренных тем же матовым сиянием.

– Я, боярин! Дозволишь? – ответил тихий голос из кустов.

– Входи и ступай за мною!

Мгновенно темная тень выросла перед Семеном Годуновым.

Невысокая плечистая фигура человека неслышно двинулась за хозяином в сени, мимо сладко похрапывавших холопов.

Ни словом не обмолвился боярин со своим спутником, пока не вошел в свою постельную горницу. Здесь Семен Никитич тяжело опустился на лавку, сделав знак своему гостю приблизиться.

Это был человек лет сорока, с черными, исподлобья поглядывающими злыми глазами, с низким лбом, с широко развитою челюстью.

Одет он был в желтый кафтан дворового человека, крепко опоясанный красным кушаком. Шапку он скинул с головы еще до входа в хоромы, спутанные, чуть седеющие уже, черные волосы, взлохмаченные и густые, покрывали почти до бровей и без того низкий лоб, придавая что-то зловеще-хищное лицу этого человека.

– Ну, Бартенев Второй, что скажешь? Все ль исполнил, как было указано тебе от меня? – произнес царский окольничий, впиваясь в лицо пришедшего человека своими маленькими, но зоркими глазками.

– Как приказал, все, государь боярин, исполнено по приказу твоему. Вот корешки в мешке наговоренные, а вот и перстенок заветный боярина моего Александра Никитича! – и, говоря это, Бартенев Второй вынул из огромного своего кармана небольшой мешок, а вслед

⁴ Крыльцо.

за ним вытянул из-за пазухи и великолепный алмазный перстень с печатью. Семен Годунов почти вырвал перстень из рук холопа и жадным взором впился в печать, вырезанную на нем.

– Молодец ты, Алексашка! – забывшись на минуту, почти в голос крикнул он, рассмотрев буквы печати, и маленькие глазки его загорелись и заискрились, как у змеи. – То есть так угодил ты мне перстеньком и корешками, что век твоей заслуги не забуду! Сказано тебе было, что, как только бояр твоих под розыск подведут, от их живота и имения, коими государь великий за мою верную службу меня пожалует, тебе немалую толику уделю. А пока што держи!

И, вытащив из кармана объемистый кошель с деньгами, Семен Годунов бросил его Бартеневу, ловко подхватившему на лету щедрую боярскую подачку.

– А только уговор помнишь? И клятву тож? – сурово добавил боярин, подозрительно поглядывая на раболепно кланявшегося ему и благодарившего Бартенева Второго. – Чтоб ни одна душа не проведала, что ты корешки наговоренные в мешке за боярской печатью Александра Никитича сам подкинул в подвал второго Романова да перстеньком с его печатью припечатал их. И на розысках и под присягой помни, во имя Бога помни, Алексашка, не то погубишь себя и меня!

– Буду помнить, государь боярин, буду помнить! И сказывать всем стану, что мне, как ключарю, казначею боярскому, как первому и верхнему над всею челядью холопу, заведомо известно о том, как мешок сей с корешками наговоренными противу царского здравия мой хозяин, боярин Александр Никитич, от вещуньи московской привез и в подвалах своих схоронил за своей боярской печатью. Все, как ты приказать изволил, государь боярин, все так показывать и стану.

– Ну то-то же, смотри! Не оплошай, а теперича...

Тут Семен Годунов затеплил свечу от спускавшегося над столом с потолка паникадила, отломил кусок воска от нее, помял в руках и, разогрев на свечке, приложил к концам бечевки, связывавшей отверстие мешка, переданного ему Бартеневым. Затем, взяв перстень, похищенный Бартеневым у его хозяина, боярина Александра Романова, сделал оттиски печати на воске и запечатанный таким образом мешок с корешками вместе с романовским перстнем передал Бартеневу.

– Теперича спешి... Ночи весенние коротки, до рассвета все уладить надоть! – зашептал он, весь охваченный волнением. – Спеши к себе домой на подворье Александра Никитича, мил дружка нашего. Там спустись в подвал да и кинь туды мешок с корешками наговоренными. А перстенок на старое место положи, чтоб, храни Господь, боярин, чего доброго, пропажи не хватился до времени. А награжу я тебя по-царски за это, Алексашка, за то, что бояр своих пособишь мне избыть. Ступай же, ступай скорееича, да гляди в оба, не оплошай, смотри, чтоб не заметили ни здешние мои, ни ваши романовские холопы.

– Ладно, не оплошаю, государь боярин... Не приметят. Будь покоен!

И с низкими подобострастными поклонами Бартенев Второй попятился к двери, ужом проскользнул из боярской опочивальни и шмыгнул из сеней на двор.

Следом за ним прокрался и сам боярин, крепким засовом задвинул он двери и вернулся в опочивальню. Здесь он одним духом осушил остававшийся на дне кувшина мед и со вздохом облегчения опустил на лавку.

– Свершилось! Кончено! – произнес он замирающим шепотом, и маленькие глазки его зловеще засверкали. – Что-то запоете теперича, какую песенку, бояре Романовы, славные Никитичи, когда найдутся корешки заветные, наговоренные против царского здравия в ваших романовских подвалах? Небось и печать романовская, все ее знают, как и перстенок заветный!.. Не отвертеться теперича... Ни в жисть.

Он с наслаждением потирал похолодевшие, потные от волнения руки, и злорадная улыбка, похожая скорее на гримасу, нежели на улыбку, развела его губы.

– А жаль, – мысленно добавлял боярин, – жаль, что не старшего Никитича, не Федьку окаянного, главного врага нашего, кичливого, гордого, подвести к ответу с корешками придется, а Александра только... Да что делать станешь! Нет изменников среди холопов Федоровых... Все до единого за боярина своего Федора Никитича помрут, никакими посулами их не купишь. А у Александра Никитича нашелся такой холоп. За мошну червонцев Бартенев Второй господина своего, боярина продал. Ах, только довелось бы ему до конца довести, только бы корешки заветные в подвал занести и бросить, чтобы никто из челяди не приметил, да и перстень боярский вернуть! А коли одного брата уличат в измене, других и подавно легче под розыск подвести! – с новым приступом злобной ненависти произнес боярин и опять, как лютый зверь, заметался по горнице, строя в мыслях новые козни и обдумывая подробно все новые и новые темные дела.

Глава VII

Майский день выдался теплый и ясный на славу. С самого раннего утра бояре Федор и Михаил Никитичи с князем Борисом Ивановичем Черкасским, мужем Марфы Никитичны, да с братьями князьями Иваном и Василием Сицкими, во главе целой дружины кречетников, конюхов и стремянных отправились на ловы, пользуясь дивным праздничным днем.

На романовском подворье остались только женщины. Веселая Настя целое утро ластилась к Ксении Ивановне, прося отпустить ее да Таню с Мишей с мамушкой и сенными девушками в ближние рощицы на Москву-реку, собирать первые весенние ландыши.

– Вели, матушка сестрица, капитану запрячь да вершников отрядить дворецкому, ин мы хошь погуляем маленечко, хошь духом весенним надышимся, хошь попоем песни на воле.

А Таня и Миша, прыгая подле матери, ласкаясь к ней, лепетали ту же просьбу своими звонкими детскими голосенками:

– Отпусти, мамушка! Глянь-ка, как солнышко светит да печет. Больно жарко у нас в садочке, а в роще-то над рекою страсть как хорошо! Настя хороводы с девушками водить станет, венки нам из цветиков совяют... И тебе с бабушкой да тетушке княгинюшке Черкасской привезем цветочков!

Впрочем, просила из детей только одна Таня. Пятилетний Миша больше ластился к матери, зарываясь головенкой в шелковые складки ее праздничной телогреи, и то и дело обнимал мать своими крошечными ручонками.

Тревожно глянув на старую боярыню Шестову, Ксения Ивановна проговорила, не выпуская из объятий своего сынишку:

– Уж и не знаю, что делать, матушка, не случилось бы с детками лиха какого!

– Какому же лиху случиться! – горячо запротестовала Настя, красивое личико которой так и искрилось молодым, веселым задором. – Говорю, вели с нами вершников отрядить да дворецкому накажи ехать. Ей-же-ей, ничуть не страшно, сестрица!

– Да тебе-то что страшного, затейница! – сурово заворчала на молодую девушку строгая боярыня Шестова, недолголюбившая молоденькую боярышню. – Тебе-то какое лихо! Ишь, под небеса выросла, а разума не набралась... Все бы тебе резвиться да с детьми прыгать да бегать... Замуж тебе пора. Вон Ирина Никитична за Ивана Ивановича Годунова как вышла, небось словно в раю живет...⁵ Надо бы Федора Никитича упросить, чтобы перед царем за тебя слово замолвил, чтобы сам батюшка государь тебе другого своего родича али свойственника какого посватал. То-то ладно было б, Настюша, то-то б ладно... Довольно в девках засиделась, семнадцатый годок стукнул, убрус надевать пора.

– Да что ты, матушка боярыня... Аль я дома тебе надоела? – вся вспыхнув как маков цвет, закрываясь узорчатым рукавом своего яркого летника, прошептала Настя, и крупные слезы выступили на ее за минуту до этого веселых синих глазах.

В одну минуту маленький Миша отскочил от матери и кинулся к своей молоденькой тетке, обхватил ручонками ее колени, прижался к ним кудрявой головенкой и залепетал, глядя на бабу не по-детски серьезными глубокими глазами:

– Не надо, баба, не надо обижать Настю!

– И впрямь, матушка, – вступилась Ксения Ивановна, – не обижай Настюшу... Она словно солнышко майское у нас в терему... Иной раз приедет из царской думы Федор Никитич гораздо больно хмурый, а прибегут детки с Настей, зачнут лепетать да смеяться да игры при нем затеят всяческие, глядишь, и прояснится наш ясный сокол. По моему глупому разуму, хошь бы и вовсе Настюше остаться с нами, радехонька была бы!

⁵ Борис Годунов женил одного из своих племянников на Ирине Никитичне Романовой.

– Бог с тобой, сестрица, девка не соленье какое, чтоб ее в кадучке беречь! – засмеялась княгиня Марфа Черкасская, старшая из сестер Романовых. – Придет ее время, найдется добрый молодец, так отдашь поневоле. Так я верно ль говорю, Настя? – добавила она.

Но Настя молчала. Лицо ее пылало от смущения. Глаза потупились в землю.

Зато за нее заговорил снова маленький Миша.

– Не отдам тети Насти никому. Моя тетя Настя! – заявил он с таким решительным видом, что все присутствовавшие покатались со смеха, а боярыня-мать схватила на руки мальчика и покрыла его личико горячими поцелуями:

– Желанный мой! Все, кажись, для тебя сделаю, чего ни попросишь, сокол мой ясный!

Вмиг смущенные глаза Насти засверкали лукавыми огоньками. Она быстро метнулась к мальчику, прижала алые губы к его румяной щеке и зашептала ему что-то на ухо, поблескивая глазами.

И вот снова раздался звонкий голосок Миши:

– Отпусти нас в надречную рощицу нынче, матушка! Настя просить велела!

– Ай да Настя! Ишь, какая ловкая! Провела меня, нечего сказать! – добродушно рассмеялась Ксения Ивановна. – Ну, да делать нечего, от слов своих не отрекусь. Сказала, что все сделаю, чего не пожелает Мишенька, так тому и быть. Эй, мамушка Кондратьевна, покличь дворецкого Сергеича, вели ему капитану снарядить да вершников... Да сюды зови его, хочу сама приказать блюсти боярчат настрого, – коротко и энергично отдала приказ старшей своей челядинке Ксения Ивановна.

Та бросилась исполнять ее приказание. Через минуту на пороге горницы появился с низкими поклонами седой, но еще не старый человек, худой, подвижный и быстрый, как юноша, с честным, открытым лицом и пронзительными глазами, любимый дворецкий Федора Никитича.

Строго-настрого приказала ему Ксения Ивановна на прогулке глаз не спускать с боярчат, расставить стражей, верховых, пока они будут играть и резвиться в роще.

Как только отпустили дворецкого, мамушка с сенными девушками засуетились, снаряжая детей и боярышню к немалому восторгу последних.

Привольно и хорошо ехать в прохладной, обитой лазоревой тафтой капитане, на мягких подушках, насланных поверх лавочек.

Спущены темные занавески, но бойкие пальчики Танюши или красивые холеные ручки Насти то и дело отгибают край их, и сквозь слюдовое оконце бойкие глазенки заглядывают на улицу под неумолчную воркотню мамушки.

В капитане сумрачно и прохладно. Кроме Насти, детей и дородной мамушки, тут еще четыре сенных девушки, и все же хватит места хоть еще на десятерых.

По обе стороны капитаны на конях скачут вершники из романовской челяди. Дворецкий Сергеич примостился на козлах, рядом с возницей. Хотя до надречной рощицы рукой подать, да не пешком же идти туда детям и сестре таких именитых бояр, как Романовы!

Вот проехали улицу, еще крестец миновали и стали спускаться под гору...

Остановилась капитана... Под сильной рукой поддалась дверца, и, весело щебеча, выпорхнули наружу сначала бойкая Настя, накрывшись фатою, за нею детки и девушки. Выползла, тяжело отдуваясь, и дородная мамушка, не переставая ворчать.

Дивно хорошо в надречной рощице... Там между деревьями сверкает голубая полоса Москвы-реки... Кругом теснятся белоствольные, нежные, стройные, как девушки, березки. А дальше, за осоками, раскидисто свесившимися над водою, над топкими зелеными озерами-болотцами целый ковер белых, словно на картине нарисованных, ландышей! С веселым смехом бросились к ним дети во главе с Настей.

– Цветики, цветики лесные! – лепетали они, наперегонки срывая цветы. – Таких цветиков не нарвешь в саду романовского подворья!

Сенные девушки помогали собирать ландыши и составлять из них пышные букеты.

Когда руки всех были полны белыми пахучими цветами, Таня с важным видом отвела в сторону своего маленького братишку и оживленно зашептала ему на ухо:

– Давай венок Насте сплетем. Пущай словно царевна лесная она у нас станет! Пущай покрасуется в белых цветочках!

– Сплетем, сплетем! – весело кивая своей кудрявой головенкой, залепетал Миша, души не чаявший в своей молоденькой тетке.

Сказано – сделано. Закипела работа. Сенные девушки ловко свивали стебли цветов, перевивали и связывали их травами.

Вот наконец готов белый прекрасный убор на красивую девичью головку. Словно Божий день, хороша в нем Настя!

Как увидели ее Таня и Миша в этом скромном и прелестном венке из душистых лесных весенних цветов, так и кинулись обнимать тетку и душить ее поцелуями.

– Красавица! Лапушка! Голубушка наша!

– Да полно вам, озорники, полно! – отмахивалась от племянников молодая девушка.

И, выскользнув змейкой из рук детей, она кинулась от них с веселым смехом туда, в самую чащу и глубь рощи. С быстротой серны мчалась Настя. Вот проворными руками раздвинула кусты, вот юркнула за ними... Вот метнулась за следующую группу густо разросшихся берез и... С легким криком испуга и неожиданности остановилась как вкопанная посреди чащи.

Глава VIII

Прямо перед нею, словно из-под земли, выросла невысокая, но плечистая фигура мужчины, вернее юноши, одетого в простой кафтан, подпоясанный поясом, с котомкой за плечами, с потертым колпаком на голове, какие носит в летнюю пору бедный народ в Москве, и с сучковатой дубинкой в руках.

Но под этой бедной мещанской одеждой все же на диво статна была широкоплечая фигура юноши, а из-под колпака зорко, по-орлиному глядели его светлые, живые, пронизательные глаза, освещаая некрасивое, безусое лицо, обрамленное рыжеватыми кудрями, выбивавшимися из-под шапки. Две крупные бородавки портили общее впечатление его внешности, но все же она была привлекательна тем особым выражением энергии, смелости и ума, которым дышала каждая черточка этого далеко не пригожего, но удивительного и без красоты лица.

Первою мыслью Насти, едва пришедшей в себя от неожиданности, было: «Где-то видела я эти глаза, эти губы и рыжие кудри! Где только? Не ведаю! Не упомяну!»

А он уже улыбался, глядя на девушку своими орлиными глазами. И улыбка, детски добродушная и мужественно-смелая в одно и то же время, удивительно шла к его чертам, преобразая их в одно мгновение, делая их пленительными и приятными.

– Не бойся, красавица! – произнес он негромко.

И опять невольно подумала Настя, что голос этот, как и лицо, знаком ей и что слышала она его где-то, и не однажды.

– Не бойся, лиха тебе не причиню. Я бедный странник, пробираюсь к родичам погостить, на рубеж литовский.

И снова впился ей в лицо своими орлиными глазами. Едва оправившись от смущения, стояла она, не двигаясь, под этим дерзким взглядом. Что он сказал ей неправду, в этом она не сомневалась.

У бедного странника из черни московской не могло быть этой осанистой повадки, этих смело-пронизательных глаз, этого орлиного, пылающего взора!

«Не станичник ли?» – вихрем пронеслось в голове девушки, и она вздрогнула всем телом. Но это было мгновенное смятение страха. В следующую же минуту она оправилась и, спокойно глянув в выразительное лицо незнакомца, проговорила:

– Кто ты, не ведаю, не знаю, хошь памятно мне твое лицо... Видела где-то, а где – не упомяну. Да все едино это. Коли не лихой ты человек, ступай своей дорогой... Коли лихо задумал какое, бери запястья, ожерелье мое, бери серьги с подвесами, и Господь будет тебе судьей.

Незнакомец выслушал девушку, и тонкая улыбка заиграла на его губах.

– Полно, боярышня Настасья Никитична, – произнес он, отвечая спокойным взором на изумленный взгляд Насти, услышавшей свое имя, – не станичник и не грабитель я... Ни злата, ни камней мне не надо, боярышня. Зачем мне то, чего у меня вскорости будет много, боле чем у братьев твоих, чем у всех годуновцев, вместе взятых! Не бойся, не ограблю тебя... Другого я у тебя попрошу, боярышня... Задумал я одно мудреное дело, такое мудреное, что иному такое и во сне не приснится. И затем иду. Пришел из Москвы нынче, вышел засветло, здесь хоронился в роще и тебя первую повстречал... Протяни же мне руку на счастье, благовослови, боярышня Настасья Никитична. Видишь, имя твое и род твой мне ведомы. Пожелай доброго пути мне да лада... Легче мне будет покидать с таким напутствием Москву.

И рыжий незнакомец снял колпак и протянул Насте свою небольшую, но сильную, энергичную руку в ожидании ее ответа.

С волнением смотрела на него девушка.

«Где я видела его? Где этот голос слыхала, где?» – назойливо металась в ее голове вспугнутая мысль.

А рыжий незнакомец все стоял и ждал с протянутой рукой. Было что-то трогательное и открытое в этой молчаливой просьбе. И самое лицо его, такое знакомое Насте, располагало в свою пользу.

– Жду доброго твоего слова, боярышня! – произнес он настойчивее и громче.

Между тем голоса девушек, и мамы, и звонкий смех детей приближались к чаще. Ауканье и клики звучали все громче, все слышней. Надо было торопиться. Настя вскинула глаза на юношу, потупила их снова и произнесла, захлебнувшись от волнения:

– Побожись мне, молодец, на кресте своем тельном поклянись, что не на дурное дело просишь напутствия от меня.

И, поборов смущение и стыд, глянула прямо в глаза юноше своими светлыми глазами. Тот усмехнулся и, быстро запустив руку за пазуху, вынул оттуда тельник.

Настя невольно вскрикнула и отступила на шаг. Драгоценный золотой крест сверкнул перед ее глазами алмазами, яхонтами и рубинами, дивно загоревшимися в лучах солнца.

– Кто ты? – прошептала она, пораженная, хватаясь за ствол березы.

– Кто бы ни был я, – произнес юноша торжественно, – целую крест тебе, боярышня, на том, что прошу твоего напутствия на доброе дело. Русь Святую хочу я от злого корня спасти, матушку-Москву родимую и весь ее честной народ. Так дашь на счастье руку, боярышня?

Вдохновенно прозвучали слова юноши в ушах Насти. Плохо поняла девушка, от какого корня злого хочет этот странный, дикий человек освободить Русь. Но что-то ясное и правдивое было в лице этого человека, что-то благородное и открытое в его юношеском порыве, и не поверить ему она не могла. А тут еще этот ослепивший ее своим блеском драгоценный крест, игравший в лучах солнца всеми своими алмазами, яхонтами и сапфирами, к которому прижался губами этот необычайный человек.

И, сама не отдавая себе отчета, с волнением протянула она ему свою беленькую нежную ручку. Сильные юношеские пальцы крепко сжали ее, и взволнованный молодой голос шепнул у самого уха Насти:

– Спасибо, боярышня, что поверила, не побрезгала! Авось твое напутствие принесет счастье... И еще прошу, помолись о царевиче Димитрии Углицком! Пожелай здоровья и счастья ему! Пожелай скорого ему царства на троне отцов и дедов, а он тебя и братьев твоих и всю родню твою не оставит.

Последние слова юноша произнес быстро и чуть слышно, скрываясь за зеленою зарослью старых берез. Но тем не менее их услышала Настя, и яркое воспоминание прожгло ее мысли.

Этот голос! Она его узнала! Он тоже говорил о царевиче Димитрии там, за тыном, на дворе Чудова монастыря... Тоже поминал, как и сейчас, убитого царевича, ровно живого, ровно воскресшего из мертвых! Что за диво такое? Что за наваждение?

– Постой! погоди! – хотела крикнуть Настя, хотела позвать, удержать незнакомца, заставить объяснить ей его темные слова. Но он уж был далеко.

– Постой! Вернись! – крикнула она, напрягая свой и без того звонкий голос. Но вместо стройной фигуры рыжекудрого юноши перед ней предстала сгорбленная фигура Сергеича.

– Кликала, боярышня? Испужалась небось! Да и как не испужаться! Ровно из-под земли Гришка, подлюга, вырос. Меня, старика, с ног едва не сшиб! Так и тебя, чего доброго, испужал, непутевой.

– Какой такой Гришка? – проронила изумленная Настя.

– Да Григорий, что у нас в дворовых мальчишках ходил... Челядинец меньшей. Наш боярин еще Федор Никитич, государь-батюшка, его от князя Черкасского взял... Аposля по письменному делу пустили... Грамотей был Гришка, и служкой монастырским по грамотей-

ной части его поставили. А теперича Гришка и у владыки в Чудовом монастыре не ужился. Убег, что ли, аль подобиру чернецкую рясу скинул... Непоседа он, шатун! Рыжий такой, с бородавками! Нешто не помнишь?

– Помню! Помню, Сергеич! – почти в голос крикнула Настя, осененная мгновенной зарницей воспоминанья.

И действительно, вспомнила, как лет шесть-восемь тому назад, когда она была еще ребенком, на романовском подворье служил у ее старшего брата рыжий мальчик, дикий, смелый и разбиравший грамоту лучше другого взрослого человека.

И чужой разговор, чужая тайна, подслушанная ею за тыном, на дворе Чудова монастыря, добавила и пояснила это воспоминанье.

«Но откуда же эта удаль, эта смелость, эта гордая осанка в лице простого челядинца? Откуда, наконец, у него этот богатый тельник, усыпанный самоцветными камнями? А его речи? А упоминанье о царевице Димитрии? Его странная просьба? Его необычайные слова?»

Настя терялась в догадках. Тайна сгущалась, плетя свои пестрые узоры над головою девушки. И пленительна, и жутка была эта тайна.

«Феде-брату сказать беспрременно все надо! Нынче же надо! Без отложки! Как вернется с ловов, в тот же час!» – решила девушка и, к немалому огорчению разохотившихся погулять на воле детей и взрослых спутниц, заторопила всех ехать обратно, на подворье, домой...

Глава IX

Когда дети с Настей и челядью вернулись на подворье, в воротах романовских хором их капитана встретила со щегольским охотничьим поездом Федора Никитича, его брата Михаила и их друзей.

– Тятя! Тятя! – закричали Таня и Миша, высовываясь из окна капитаны и протягивая ручонки отцу.

– Вот они где, гулены! – со смехом произнес Федор Никитич, улыбаясь им и кивая. Гнедой аргамак ходуном ходил под осанистым щеголеватым боярином, отливая в золотых лучах солнца всеми самоцветными камнями драгоценного чепрака и уздечек. В коротком терлике, в лихо заломленной набекрень мурмолке, статный и щеголеватый старший Никитич особенно хорошо выглядел в это утро. Младший его брат, Михаил, богатырь и красавец по виду, во всем напоминал старшего. Остальные охотники, князь Черкасский и братья Сицкие казались простою свитою осанистых бояр Романовых.

– Тятя! Тятя! Возьми меня на коня с собою! – запросился Миша, высовывая кудрявую головенку из окна капитаны.

– Ишь ты, какой вершник выискался! – засмеялся Федор Никитич, но тем не менее протянул руки сыну.

– Ступай, коли охота!

Дворецкий Сергеич со стремительностью юноши распахнул дверцу тяжелой громоздкой капитаны. Мамушка подняла на руки Мишу и бережно передала его отцу.

Очутившись на лошади, мальчик весь словно преобразился. Глазенки его заблестели как звездочки, пухлый ротик раздвинулся в блаженную улыбку.

– Ай да Миша! Чем не воевода! Даром што от земли не видать! – расхохотался красавец Михаил Никитич.

– И я хочу на коня! И меня посади, тятя! – возбужденно залепетала Таня, выскакивая из возка.

– Ой, окстись, чтой-то ты выдумала, сударка! Стыд да сором какой! – так и закудаhtала толстая мамушка, всеми силами удерживая девочку за рукав ее летника.

– Ништо, пусти ее, мамушка! – добродушно улыбнулся боярин-отец. Потом быстро свесился с седла, сильными руками приподнял дочку, и через несколько секунд Таня преважно восседала подле брата на крупе отцовского коня.

– Ай да вершники! Ай да воеводы! – шутил дядя Михаил.

А вокруг суетились стремянные, конюшие и ловчие, разбирая убитую добычу: весенние, молодые выводки серых диких лебедей, цапель и утиц и прочую раннюю лесную дичь.

Клекотали кречеты... Лаяли псы... Звенели уздечки охотников... И надо всем этим весеннее радостное солнце праздновало, казалось, свой яркий полдневный пир.

Одна Настя, против своего обыкновения, оставалась задумчивой и печальной. Речи рыжего юноши не выходили из ее головы. Тревожно смотрели глаза девушки, и обычная ясная улыбка не освещала ее лица.

Федор Никитич долго и упорно поглядывал на сестру, приметив с первого взгляда ее необычайную задумчивость.

– Что невесела, Настасьюшка? Аль тоже на коня, как деток, и тебя, разумницу, потянуло? – неожиданно произнес весельчак богатырь Михаил Никитич, крепко любивший младшую сестренку.

Настя вспыхнула до корней волос и потупила светлые глазки.

– Ой, братец, что ж это ты меня перед князьями-свойственниками стыдишь! – шепнула она, вся малиновая от смущения.

– А и впрямь, что с тобою случилось, Настя? – озабоченным тоном обратился к ней старший брат, с отеческой нежностью глядя на юную сестру. – Поведай, девонька, коли што...

– Пове... – начала было тихо Настя и осеклась, примолкла.

Примолкли за нею и все присутствовавшие. Сразу, словно по волшебству, прервалась суета на романовском дворе. Стремянные, конюшие, кречетники и сами хозяева с гостями остановились как вкопанные, обратив глаза сквозь открытые ворота на улицу.

По улице скакала с гиканьем и шумом буйная ватага вершников. Скакала прямо по направлению к романовскому двору. Зоркие, орлиные глаза Федора Никитича тотчас же отличили отряд вооруженных стрельцов, несколько приставов верхами, а во главе конных злейшего врага их, бояр Романовых, Семена Годунова. Рядом с ним ехал окольничий Михаил Глебович Салтыков, дальний свойственник Романовых по роду Шестовых. При виде этого необычайного поезда мучительная тревога охватила сердце Федора Никитича и передалась и его брату, и родственникам, челяди и всем присутствовавшим.

– Не к добру это, коли сам Семен Годунов к нам жалует. Быть лиху! – произнес он тихо, так тихо, что один только младший брат Михаил Никитич мог расслышать его.

– Настя! – неожиданно и так же тихо обратился к сестре старший Романов. – Бери детей да укрой их куда подальше, чтоб не слыхали, не видали ничего. Да жену упреди. А мы здесь с боярином Годуновым потолкуем.

Встревоженная не меньше братьев, Настя быстро приняла с лошади сначала Таню, потом Мишу и, взяв детей за руки, стрелой помчалась с ними к женскому терему романовского подворья.

А конная ватага между тем проскакала улицу, миновала крестец и влетела на романовский двор как раз в то время, когда хозяева и гости входили на высокий рундук терема.

– Здравствуй, боярин Годунов, – произнес Федор Никитич спокойным и громким голосом, с достоинством кланяясь Семену Никитичу, спешившему с коня. – С чем пожаловал? Да штой-то больно не смирно будто? И стрельцов прихватил, и приставов с собою? Негоже как будто в гости на романовское подворье так-то являться!

И чуть заметная улыбка скользнула по бледному, но спокойному лицу боярина Романова.

Тонкая, торжествующая усмешка искривила губы Годунова.

Он выпрямился всей своей обычно сутуловатой фигурой, горделиво закинул голову кверху и, с плохо скрытым бешенством, завопил на весь двор:

– Ой, не кичись больно, боярин! Аль мыслишь, что я, верный холоп и смерд царский, подобру в гости наехал к тебе, изменнику государеву?

– Изменнику? – с разлившейся внезапно по всему лицу смертельной бледностью, задыхаясь от неожиданности, произнес старший Романов, в то время как младший, Михаил, рванулся вперед всей своей богатырской фигурой и, сжав пудовые кулаки, крикнул мощно:

– Как смеешь ты, боярин, обижать верных слуг государевых!

Семен Годунов попятился невольно при виде этой огромной фигуры молодого силача, испуганный его движением, и густая краска кинулась ему в лицо. Но он невероятным усилием подавил волнение.

– Потише, господин честной, – зашипел он на младшего Никитича. – Коли говорю изменник, стало быть, изменник и впрямь. Все вы государевы изменники: и Федор Романов, и Александр, и ты, все братья... И ты, князь Черкасский, и братья Сицкие, и Репнины, и Карповы, и Шестовы, – все родичи Романовых, все свойственники ваши... И вот вам от великого государя и великого князя всея Руси указ: немедля вас всех, изменников государевых, взять за приставы, на сыск доставить на том, что на его, государево, светлое здравие умышляли худо. Всем ведомо: у Александра Никитича коренья злые наговоренные в подвалах найдены.

Михаил Глебович Салтыков те коренья видел и патриарху доставил. И великому государю то доподлинно ведомо, и он приказал вас всех, изменников своих, судить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.